

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от 12 января
1985 г.

г. Москва

Есть книги с необычной и счастливой судьбой. Вспомните роман «Мастер и Маргарита» Михаила Афанасьевича Булгакова. Интерес читателя к этому произведению не только не убывает с годами — он становится все больше. И порой приобретает необычные формы.

Об одном таком забавном и трогательном проявлении любви к творчеству Булгакова мы рассказываем сегодня.

ВСЕ началось со слухов. Будто по сей день (шесть десятилетий спустя!) продолжается чертовщина в доме по Садовой, 302-бис, описанном в «Мастере и Маргарите». И в квартире № 50, «которая давно пользовалась если не плохой, то во всяком случае странной репутацией».

Так вот, слухи утверждали: ...на стенах шестого подъезда злополучного дома чудесным образом проступает едва ли не весь текст романа; исчезают, чтобы вновь появиться, изображения основных персонажей.

...по вечерам тамошним жильцам чудится гул множества голосов, а время от времени его перебивает чудовищный бас, роняющий литые фразы: «В белом плаще с кровавым подбоем шаркающей кавалерийской походкой ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана»...

...мраморные ступени лестничной клетки недавно заляптали гигантские следы кота (Бегемота?)

...попытки домоуправления противопоставить этой дьяволице достижения НТР успеха не имеют: код от входной двери, сколько его ни меняй, сразу становится известным каждому.

...в квартиру № 50 однажды

НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА

2207 (Садовая, 302-бис, № 50)

поступила телеграмма от Воланда. Из Ленинграда.

— Бред! — сомневались мы. — Этих врунов, которые распространяют гадкие слухи, их следовало бы разъяснить!

Не было большого труда, обратившись к соответствующим источникам, узнать сегодняшний адрес дома с нехорошей квартирой. Мы намеренно не стали делать этого. Решили: воспользуемся лишь теми сведениями, что есть на страницах романа. И вот мы на Патриарших прудах.

СИЯЛО солнце, голубело небо, искрились в воздухе снежинки. Стоило, однако, подойти к аллее, что некогда располагалась рядом с трамвайными путями и вертушкой, задул свирепый ветер, началась сатанинской силы снежная круговерть. Вдали густо заворчал, грянул гром и даже сверкнула молния, что на следующий день подтвердил в газетах Гидрометцентр СССР.

— Ну-ну, — буркнул один из

нас. — Не хватает только запаха серы...

Конечно же, адрес у дома оказался иным, чем в романе. Но так же «покоем» выходил он на улицу, и шестое парадное легко обнаруживалось за ремонтно-строительными лесами в левом

крыле. Дверь, одчако, оказалась заперта.

— А что это за шаги такие на лестнице?

— А это нам открывать идут, — радостно догадался другой.

На крыльце появился некто с разноцветными глазами, брови черные, но одна выше другой. Назвал код, и тотчас растворился в метели.

Мы вошли в подъезд и ахнули.

Все было, как и рассказывали нам. И строки романа, и портреты Мастера и Маргариты, Воланда и его свиты, даже следы Бегемота — вот они! Какая бездна работы проделана — цветными мелками, гуашью, фломастерами, гвоздями, наконец! Сколько тысяч поклонников романа прошло мимо этих стен, оставив после себя память, надо признать, не всегда интересную? В борьбе за чистоту стен в подъезде ДЭЗ 16 Краснопресненского района — сторона не столько сражающаяся, сколько сражаемая...

ДВЕРЬ в квартиру № 50 открылась после первого же звонка. Наше появление хозяев не удивило: «Вы сегодня третьи».

За порогом — картина скромного учреждения. Кульманы, канцелярские столы, толстые

папки документов на стеллажах. Ничто, кажется, не напоминает о Булгакове. Но первое впечатление бывает обманчивым.

Стоило оглядеться, и за служебным столом увидели на стене рисунки к «Мастеру и Маргарите», в других комнатах — тоже. Портрет Михаила Афанасьевича, нарисованный инженером Сашей Борисовым. Старинный подсвечник с обгоревшей свечой.

Дух романа проектировщики, арендующие «нехорошую квартиру», как могут, стараются сохранить.

Узнаем, что есть здесь и книжка посетителей. Среди тех, кто оставил запись в ней, много зарубежных гостей.

Паломничество почитателей творчества Булгакова в квартиру № 50 год от года набирает силу. И одни считают, что настало время открыть музей писателя (он ведь и жил здесь в 1922—1923 годах), другие — клуб

Воланда (есть же музей чертей в Каунасе!), третьи — литературное кафе «Мастер и Маргарита».

Нынешние обитатели дома солидарны с такими предложениями, полагая, что тогда и «чертовщина» в подъезде обретет куда более приятные классические очертания.

Суждено ли сбыться этим пожеланиям?

Ну, чего не знаем, того не знаем...

МЫ СНОВА на лестничной клетке. Минуем квартиру 48, где обитала скандальная Аннушка по прозвищу Чума. А вот на этом месте били курицей по голове киевского дядюшку Берлиоза (не композитора), вздумавшего ловко воспользоваться смертью племянника. Буфетчик театра варьете Соков, имевший обыкновение торговать осетриной второй свежести, сломя голову мчался по этим ступеням в мокрых штанах. Выжига и плут председатель жилтоварищества Никанор Иванович Босой (за деньги прописывал, босяк!) крался тут с крупной взятой в портфельчике, не подзревая, какой неприятностью обернется для него любезность иностранного господинчика...

Подъезд, видевший наказанных пройдох и необычных их судей — Воланда. Азazelло, Корольева, Бегемота и Геллу.

Покидая дом по Садовой, 302-бис, невольно размышляем о том, что великие рукописи не только не горят, подлинное искусство не только нетленно, но и способно даже нереальное облекать в живую плоть, ставить с собою в близкое родство, делать очень разных людей лучше, мудрее.

А это немало, не так ли?

Вл. АРСЕНЬЕВ,
Ю. ГРИНЬКО.

МОСКВА.